

чают дальнейшее развитие на уровне специальных законов. Именно в законах определяются налоговая и бюджетная система, база налогообложения, виды и основания предоставления налоговых льгот, порядок администрирования налогов и сборов и т. д. Одной из современных тенденций является кодификация фискального законодательства. Благодаря этому достигаются единообразие, внутренняя согласованность и достаточная стабильность правового регулирования в данной сфере. Отдельным законодательным актом (кодексом или законом) определяется статус, организация и деятельность фискальных органов.

3. Нижний уровень правового регулирования фискальных отношений составляют подзаконные акты, в которых регламентируются вопросы, требующие узкопрофессионального подхода. Наличие таких актов придает нормативной основе фискальной деятельности государства необходимую гибкость и динамизм, способность оперативно и адекватно реагировать на изменения в социально-экономической сфере.

Нормативно-правовая основа реализации фискальной функции в каждом государстве имеет свои особенности. Изучение этих особенностей, особенно в ведущих в экономическом плане странах мира, является перспективным направлением дальнейших исследований в данной сфере.

Список использованной литературы:

1. Конституции государств-участников СНГ / ред. кол.: Л.А. Окуньков (рук.), В.В. Оксамытный, М.Я. Булошников. – М.: Изд. гр. ИНФРА-М – НОРМА, 2001. – 736 с.
2. Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М.: Изд. гр. ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 816 с.
3. Конституції зарубіжних країн / за заг. ред. В.О. Серьогіна. – Х.: ФІНН, 2009. – 664 с.
4. Fiscal Rules in Response to the Crisis – Toward the “Next-Generation” Rules. A New Dataset / [A. Schaechter, T. Kinda, N. Budina, A. Weber] // IMF Working Papers. – 2012 (July). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imf.orghttps://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2012/wp12187.pdf>.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Юрий ОРЛОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии факультета № 1
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

The article is devoted to criminological analysis of international and legal factors of evaluation of political crimes. The latter are considered through the prism of international criminal law, international security law and liability. The shortcomings in the legal regulation of the criteria of criminal acts both by highest-level leaders of the state and officials of international organizations have been determined, described and explained. The existence of the risks of using international and legal instruments to achieve criminal political goals by some states and / or organizations is grounded. The criteria of differentiation of legitimate international humanitarian intervention and political crime of aggression have been suggested.

Key words: political crime, international criminal law, security law, international liability law, humanitarian intervention, aggression.

Аннотация

Статья посвящена криминологическому анализу международно-правовых факторов оценок политических преступлений. Последние рассматриваются сквозь призму международного уголовного права, права международной безопасности и ответственности. Выявлены, описаны и объяснены недостатки в правовой регламентации критериев преступности деяний со стороны как высших должностных лиц государства, так и международных организаций. Обосновывается существование рисков использования международно-правового инструментария для достижения преступно политических целей отдельными государствами и/или организациями. Предложены критерии разграничения правомерной международной гуманитарной интервенции и политического преступления агрессии.

Ключевые слова: политическое преступление, международное уголовное право, право безопасности, право международной ответственности, гуманитарная интервенция, агрессия.

Постановка проблемы. Международная, глобальная политика (экономика) является объективным фактором, определяющим системные конфигурации национальной, региональной политики, народного хозяйства, состояние окружающей среды, преступности. Понимание и учёт закономерностей действия данного обстоятельства жизненно необходимы для любого государства. Именно поэтому система национальной безопасности демократических стран должна включать в себя механизмы прогнозирования внешнеполитических реакций на внутривнутриполитические события, оперировать системой критериев конструирования собственной внешнеполитической позиции в деле оценок политических преступлений. На формирование последних влияет ряд факторов, которые можно сгруппировать в три блока:

правовые, политические и культурные. Каждый из них имеет свою специфику и особенности криминологически значимых проявлений, подлежит учёту в процессе государственного управления.

Актуальность темы. Различные криминологические аспекты оценок политических преступлений рассматривались в трудах А.М. Бандурки, В.Н. Бурлакова, Я.И. Гилянского, В.В. Глушкова, В.Н. Дрёмина, Н.А. Зелинской, П.А. Кабанова, А.Н. Костенко, В.В. Лунеева, А.С. Овчинского, А.Л. Сморгуневой, Д.А. Шестакова и других учёных. Тем не менее, до сих пор не сформировано полных, научно обоснованных положений о международном измерении оценок политических преступлений, в котором пересекаются ряд правовых, политических, культурных, экономических факторов.

Цель статьи заключается в описании и криминологическом анализе международно-правовых факторов оценок политических преступлений.

Изложение основного материала исследования. Правовые факторы оценок политических преступлений в международном измерении определяют юридическую систему координат, в которой происходит первичное ориентирование субъектов международных отношений, заинтересованных и/или обязанных предоставить оценку политическому преступлению (правомерному поведению). Данная система координат имеет две условные нормативные подсистемы: а) международное уголовное право; б) право международной ответственности.

За источником международной уголовно-правового запрета можно выделить две разновидности политических преступлений: те, противоправность которых определяется общим международным правом, и конвенционные. При этом подчеркнем, что они являются политическими лишь постольку, поскольку их совершением достигаются политические цели.

Концепция политических преступлений по общему международному праву стала результатом ряда судебных процессов, которые проходили по правилам реализации полномочий *ad hoc*, а именно: Нюрнбергского, Токийского, по бывшей Югославии и Руанде. Как результат, указанная концепция с некоторыми видоизменениями, дополнительной привязкой к нормативно-правовому фактору была воплощена в Римском уставе Международного уголовного суда (далее – МУС) и на сегодняшний день определяет так называемую смешанную противоправность. Речь идет о том, что наряду с перечнем конкретных преступлений, подсудных МУС, правомочным остается положение, согласно которому за источник международного уголовного права фактически признается принцип права, воплощенный в общепринятых, неформализованных понятиях о праве и преступлении, которые формируются в «прогрессивной, цивилизованной» части международного сообщества. Как следует из практики международных военных трибуналов, некоторые уголовно-правовые нормы, основанные на высшей справедливости, и их во-

площение в правовом обороте цивилизованных стран существуют независимо от их официального нормативного оформления (см. обвинительную речь главного обвинителя от Великобритании Хартли Шоукросса на заседании Международного военного трибунала 04.12.1945 [1, с. 161, 162]).

Заметим, что упомянутый принцип играет двоякую роль. С одной стороны, он является гарантом динамичности системы международного уголовного права, ее адаптивности, способности реагировать на общественно опасные инновации. С другой стороны, как и любая правовая дискреция, он составляет источник рискованного поведения со стороны международных актеров. В современных условиях последнее проявляется не столько в признании или непризнании каких-то новых видов общественно опасных деяний преступными, сколько в процессе интерпретации существующих нормативно-правовых положений, исходя из понимания «высшей справедливости» и собственной «цивилизованности».

Согласно ст. 3 Римского устава МУС, к преступлениям, на которые распространяется юрисдикция МУС, относятся геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступления агрессии. В ст. 6–8 Римского устава МУС приводится толкование данных преступлений, перечень деяний, в которых они выражаются. В работе нет необходимости дублировать текст указанных норм, который является общедоступным. Подчеркнем лишь, что в нем содержится перечень преступлений анализируемой категории, на который ориентируются международные институты при определении уголовной противоправности соответствующих политических практик. Он является вполне обоснованным.

В соответствии со ст. 1 Римского устава, под юрисдикцию МУС попадают преступления, «являющиеся наиболее *серьезными* и вызывающие *обеспокоенность* международного сообщества ...» (курсив наш – Ю. О.) [2]. Как «серьезность», так и «обеспокоенность», а также «международное сообщество» являются относительными понятиями. Логично предположить, что оценка серьезности преступления может опираться на его общественную

опасность и основываться на перечне тех, которые подпадают под юрисдикцию МУС. Однако и в данном случае существует возможность для вариаций, ведь, согласно ст. 17 Римского устава, международный суд не принимает дело к производству, если оно «не является достаточно серьезным для дальнейших действий со стороны Суда» [2]. Существующая дискреция, очевидно, имеет под собой политическую подоплеку; остается место для политического «манёвра». Иначе объяснить её происхождение, учитывая зафиксированный перечень преступлений в указанном международном документе и их очевидную общественную опасность, не возможно. Аналогичным образом следует подойти к определению критерия обеспокоенности, который является исключительным размытыми, ситуативными, вызывает трудности в соответствующих оценках политических преступлений со стороны международного сообщества.

Отдельно отметим, что в преамбуле к Римскому уставу четко отмечено: «Ничто в этом Уставе не должно восприниматься как таковое, что дает какому-либо государству-участнице право вмешиваться в вооруженный конфликт или внутренние дела другого государства» [2]. Из этого следует, что даже квалификация политического преступления как одного из тех, которое отображено в Римском уставе, не даёт права на вмешательство во внутренние дела соответствующего государства. Поэтому указанная оценка остаётся на уровне международного осуждения, высказывания «обеспокоенности» и может быть учтена только для привлечения к ответственности постфактум, но не для применения активных превентивных мероприятий.

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на наличие определенного объема международно-правовых норм о политических преступлениях (хотя непосредственно они как политические и не определяются), их применение для оценки соответствующих практик, действий также испытывает на себе отпечаток политизации данного процесса.

Собственно, сама система норм *jus ad bellum*, которая первоначально сформирована на уровне правового регулирования деятельности ООН, не

является безупречной. Практика вооруженного вмешательства в решение конфликтов в Ираке, бывшей Югославии, Сомали, Сирии и других странах наглядно подтверждает её проблематичность. Среди прочего, это обусловлено определенными дискурсивными особенностями международно-правовой терминосистемы. Так, формулировка о запрете применения силы вызвала немало дискуссий после вступления Уставом ООН в силу: о том, что включает в себя понятие «сила», и возможно ли квалифицировать применение невооруженных принудительных мер, таких как экономические ограничения для конкретного государства, как применение силы в пределах п. 4 ст. 2 Устава ООН. Впрочем, контекстуальный анализ понятия «сила» в данном аспекте позволяет утверждать, что такая сила в понимании указанной статьи обязательно должна быть вооруженной, военной [3, p. 112–118; 4, с. 40]. Поэтому на мероприятия по политическому ограничению (прекращению дипломатических отношений, отмене совместных мероприятий, учений, форумов и т. п.), так называемые экономические санкции, а также смежные с ними рычаги воздействия не распространяется прямой запрет ООН. Их применение, опять-таки, лежит исключительно в плоскости политической целесообразности, что кажется существенным фактором не только уголовной превенции, но и соответствующих политико-криминальных злоупотреблений.

Другим более криминологически значимым аспектом *jus ad bellum* является целевая привязка запрета применения силы. Из содержания п. 4 ст. 2 Устава ООН следует, что силу применять возможно, если это соответствует целям ООН, которые закреплены в ст. 1 указанного документа. Перечень их весьма широк, поэтому акцентируем внимание лишь на тех, которые представляются политико-криминологически значимыми. Они зафиксированы в ч. 1 и 2 ст. 1 Устава ООН: «1. Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в соответствии с принципами справедливости

и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира. 2. Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира» [5].

Как можно видеть, описание целей осуществляется через такие категории, как справедливость, устранение угрозы миру, подавление актов агрессии и других нарушений мира и т. п. Оперирование такими терминами предусматривает вариативность толкования и практической интерпретации одних и тех же внутрисубъективных политических событий по-разному. Последствия различной интерпретации, особенно со стороны постоянных членов Совета Безопасности ООН, могут быть разными: от принятия решений о введении в страну миротворческого контингента до блокирования таких решений путем наложения вето и поощрения эскалации (или её недопущения) политической преступной деятельности. В данном аспекте криминологической оценке подлежат случаи интерпретации целей ООН в их экстраполяции на внутрисубъективную ситуацию определенного государства именно для обоснования применения силы в условиях неочевидности преступной деятельности с признаками преступлений согласно Римскому уставу.

В литературе по международно-правовой проблематике справедливо ставится вопрос о правомерности и возможности использования таких мер урегулирования конфликтов, как «вмешательство в гуманитарных целях», «гуманитарная интервенция», «силовое предупреждение эскалации конфликта» и т. п. Считаем необходимым все же разграничивать две принципиально разные ситуации применения т. н. «гуманитарных интервенций». Первая – когда существуют фактически подтвержденные данные об осуществлении актов геноцида, массовых преступлений против человечности. Вмешательство международного сообщества в таких случаях является жизненно важным, аналогом ситуации крайней необходимости. Такие интервенции можно назвать миротворчески-

ми (гуманитарными). Их правовой основой может служить исключительно соответствующее решение Совета Безопасности ООН о создании коалиционного миротворческого контингента.

Вторая ситуация – когда отсутствуют фактические сведения о совершении этих преступлений; вмешательство происходит для достижения политических целей отдельных государств, организаций. Такие интервенции возможно именовать квазигуманитарными. Их применение следует признать одной из разновидностей политической преступной деятельности, разворачивающейся под прикрытием международных гуманитарных миссий (или без такового), утверждения демократии и т. п. Как правило, в таких ситуациях решение о применении силы принимается исключительно национальными законодательными органами и/или военно-политическими блоками без одобрения Советом Безопасности ООН.

Что касается так называемых конвенционных политических преступлений, выделенных нами наряду с политическими преступлениями по общему уголовному праву, то их противоправность определяется международными и межгосударственными договорами. Сфера же применения международной договорной практики в данном аспекте – широкая. Она распространяется как на региональный, так и глобальный уровень, является динамичной. В ней можно выделить две группы международно-правовых источников: 1) по борьбе с международным терроризмом; 2) по противодействию политической коррупции. Каждая из них представлена рядом конвенций, международных договоров, в целом известных и формализованных.

Противоположная ситуация возникает с правовой и смежной с ней криминологической оценкой международно-противоправного деяния государства. При определении должного поведения государства рассматривается вопрос об источниках таких обязательств. Если это – международный договор, он должен быть правомерным и юридически действительным (условия действительности договоров определяются нормами Венской конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969). Для международного обычая практикой установлены обязательные условия, при

которых можно говорить, что определенная норма является обычным правилом поведения: 1) когда имеет место длительная и стабильная практика государств в той или иной сфере, в рамках которой они действуют одинаково; 2) когда такое поведение сопровождается заверениям государств, что данные правила поведения являются юридически обязательными [6, с. 118].

Международная противоправность деяния государства может основываться также и на нарушении базовых принципов международного публичного права. Подавляющее их количество закреплено в Уставе ООН (ст. 2), Декларации о принципах международного права, касается дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24.10.1970 (п. 1), Заключительным актом совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 01.08.1975 (раздел 1). По содержащимся в них принципам международного права как источникам ответственности государств можно установить системно-правовые связи с международным уголовным правом, хотя таковые и не являются строго формализованными. Речь идет, в частности, о том, что нарушение государством международных норм в сфере политических отношений (акт агрессии, вмешательства во внутренние дела другого государства и т. п.), как правило, сопровождается политическими преступлениями со стороны высших должностных лиц этого государства, принимающих соответствующие внешнеполитические решения. Очевидно, не может быть международно-противоправного деяния государства, которое нарушает один из принципов мирного политического сосуществования, закрепленных в Уставе ООН, производных от него документах, без политического преступления со стороны его высших должностных лиц.

Но, как показывает практика разрывания и решения международных конфликтов различной природы, далеко не всегда привлечение государств к международно-правовой ответственности, наложение на них соответствующих ограничений, санкций, во-первых, сочетается с судебной и, во-вторых, с международной уголовно-юрисдикционной деятельностью.

Можно с уверенностью утверждать, что на сегодняшний день констатация противоправных деяний государств, выразившихся в нарушении уставных принципов ООН, в официальных решениях международных организаций не влечёт за собой обязательной констатации совершения соответствующих преступлений должностными лицами таких государств.

Примером может служить целый каскад решений Совета ЕС в связи с агрессией Российской Федерации (далее – РФ) против Украины. В них отмечается, что агрессия РФ отразилась в аннексии Автономной Республики Крым, дестабилизации ситуации в Восточной Украине. Это повлекло за собой ряд ограничений: а) дипломатического характера: исключение из группы G-8, в частности, на период проведения саммита G-7 в Бразилии 4–5 июня 2014 г.; б) политического характера: запрет въезда отдельным гражданам РФ в Шенгенскую зону, замораживание активов, прекращение военного сотрудничества; в) экономического характера, так называемые «экономические» секторальные санкции [7; 8; 9].

Каждому из решений о наложении и/или продлении ограничений по РФ предшествует признание действий данного государства международно-противоправными на основании указанных выше обстоятельств. Следствием этого является применение невооружённых и неюрисдикционных мер воздействия. По логике нюрнбергской концепции политического преступления, воплощенной в основе современной римской концепции, за таким решением должно следовать признание высших должностных лиц РФ виновными в совершении преступлений согласно установленным процедурам международного правосудия. Тем не менее, этого не происходит.

Выводы. Указанная оценка не имеет признаков уголовно-правовой квалификации, в значительной степени зависит от политически (а не юридически) значимых обстоятельств и является в целом политической, а не юридической. Безусловно, такая ситуация не способствует утверждению принципа верховенства права на уровне международных отношений, является ярким примером политических манипуляций международным правом как таковым.

Последнее же в онтологическом измерении в значительной степени ограничивается декларативностью; пределы реального правового регулирования определяются политической целесообразностью. Таким образом, на сегодняшний день существует острая необходимость в детализации межотраслевой правовой регламентации международно-правовой ответственности государств и уголовной ответственности виновных должностных лиц. Стратегический подход в решении указанной проблемы заключается в сужении политико-правовой дискреции за счёт большей формализации признаков составов преступлений и международно-противоправных деяний, а также правосубъектности международных органов правосудия.

Список использованной литературы:

1. Нюрнбергский процесс : сборник материалов : в 2 т. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1952. – Т. 1 / под ред. К.П. Горшенева, Г.Н. Сафонова, С.А. Голунского, И.Т. Никитченко. – 1952. – 831 с.
2. Римский устав международного уголовного суда : Международный документ ООН от 17.07.1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_588.
3. Randelzhofer A. On Article 2 (4). – The Charter of the United Nations : A Commentary / A.Randelzhofer. – 2nd ed. – В. : Simma ed., 2002. – P. 112–118.
4. Васюренко А.О. Роль Устава Организации Объединённых Наций в формировании современной концепции международно-правового запрета применения силы / А.О. Васюренко // *Legea si Viata*. – 2013. – № 12/2 (264). – С. 39–42.
5. Устав Организации Объединённых Наций : Международный документ от 26.06.1945 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_010.
6. Репецкий В.Н. Международное гуманитарное право : [учебник] / В.Н. Репецкий. – Львов : Нац. ун-т им. И. Франко. – К. : Знання, 2007. – с. 467.
7. EU sanctions against Russia over Ukraine crisis [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://europa.eu/newsroom/highlights/special-coverage/eu_sanctions/index_en.htm#5.

8. EU restrictive measures [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/06/19-crimea-eu-extends-restrictions-illegal-annexation/>.

9. Crimea : EU extends restrictions in response to illegal annexation [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/06/19-crimea-eu-extends-restrictions-illegal-annexation/>.

ФОРМАЛЬНО-МОДАЛЬНОЕ КОНСТИТУИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНО- ПРАВОВОГО АБСОЛЮТНОГО ВОЗРАЖЕНИЯ

Анатолий ПАВЛЮК,

помощник судьи

Черновицкого окружного административного суда

Summary

Formally modal institutionalization of substantive objection (ger. Einwendung, ukr. відведення, абсолюте заперечення, rus. абсолютное возражение) is dealt with. Formal institutionalization of the objection of this kind is performed on the basis of definitional extension of previously ad hoc reduced S5 system whose study was pioneered in C. I. Lewis's works (1916, 1932) (the so called S5± formal system). The modal institutionalization of substantive objection, that is, the interpretation (specification, modeling) of the aforesaid S5 and S5± formal systems is in the first turn exercised on the basis of such meta-deontic characteristics of subjective legal claim as juridical feasibility, validity, exclusivity, and their negations. Besides, the deontic characteristics of legal norm proper (obligation, restraint, relative and absolute right, etc) are taken into account, as well as such persuasive characteristics of legal norm applicability as positive, negative, satisfactory, unsatisfactory, exclusive, and non-exclusive. It results in the fact that the modal nature of substantive objection is defined within the frame of such meta-characteristic of the legal effect of legal norm as the lapse of right of claim appearing on the background of negative conditions of application of legal norm.

Key words: substantive objection, formal system, formalization and interpretation, institutionalization, feasibility, validity, invalidity, exclusivity, right of claim.

Аннотация

Статья содержит анализ формально-модального конституирования материально-правового абсолютного возражения (англ. objection, нем. Einwendung, укр. відведення, абсолюте заперечення). Формальное конституирование такого рода возражения производится на основании дефиниционного расширения предварительно ad hoc редуцированной системы S5, начало исследования которой положено работами К. Льюиса (1916, 1932 гг.) (так называемая формальная система S5±). Модальное конституирование материально-правового абсолютного возражения, т. е. интерпретация (конкретизация, моделирование) упомянутых выше формальных систем S5 и S5±, осуществляется, в первую очередь, на основаниях таких метадеонтических характеристик субъективного права требования, как юридическая осуществимость, действительность, исключительность и их отрицание. Кроме того, во внимание принимаются собственно деонтические характеристики правовой нормы (обязанность, запрет, относительное и абсолютное право и прочее), а также такие аргументативные характеристики условий применения правовой нормы, как положительные, негативные, удовлетворительные, неудовлетворительные, исключительные, неисключительные. В результате, модальная природа материально-правового абсолютного возражения определяется в рамках метахарактеристики правового последствия правовой нормы как недействительность права требования, которая возникает на основании негативных условий применения правовой нормы.

Ключевые слова: материально-правовое абсолютное возражение, формальная система, формализация и интерпретация, конституирование, осуществимость, действительность, недействительность, исключительность, право требования.

Постановка проблемы. Материально-правовое абсолютное возражение (последнее слово, соответственно, переводится как англ. objection, нем. Einwendung, укр. відведення, абсолюте заперечення) соотносится в рамках теории основных правовых норм с возражением относительным и юридически в полной мере обоснованным правом требования. Возникает вопрос: как форма-

лизуется соответствующая теория, который продолжается в вопросе: что собой представляет данная теория с модальной точки зрения? Особый интерес при этом составляет акцент на определении в рамках соответствующей формальной системы и ее интерпретации собственно материально-правового абсолютного возражения (как правопрепятствующего, так и правопрекращающего [1; 2]).